

Этим вечером Хо Цюань по приказу Чу Цзюиня нёс караул у павильона Цзюсянь-ге.

Весь пир он не смел смыкать глаз, и лишь когда застолье начало клониться к закату, позволил себе немного расслабиться. Мысли его уже витали далеко: он прикидывал, куда бы податься с ребятами после смены, чтобы немного развеяться.

Однако громовой окрик Чу Цзюиня, донёсшийся изнутри, мигом выбил из Хо Цюаня остатки дремоты. Изумлённый тем, что там стряслось, он не решился входить без спроса, а потому поспешил к управляющему Цзя Луну, чтобы разузнать обстановку.

— Господин управляющий, что там опять стряслось? Вы человек опытный, намекните хоть в двух словах, к чему нам готовиться.

Цзя Лун лишь усмехнулся:

— Вы, пятеро оболтусов, целыми днями ходите за молодым господином по пятам, а теперь спрашиваете меня? Откуда мне знать? Сами гадайте.

Хо Цюань зашептал ему прямо в ухо:

— Да что тут гадать? Наверняка какой-нибудь недоумок подвернулся под горячую руку и расстроил хозяина.

Цзя Лун легонько хлопнул его по лбу и смерил строгим взглядом:

— Хватит болтать попусту, макака ты эдакая. Помалкивай и смотри — скоро всё само прояснится.

Старик и юноша ещё немного пошептались, после чего замерли у стены, вытянувшись в струнку. Вскоре показались Дэн Тун и Кун Фан. Они вели под руки Сяо Лю — мальчишка настолько обессилел от страха, что едва волочил ноги. Всех троих заставили опуститься на колени перед помостом.

То ли от выпитого вина, то ли от гнева, но глаза Чу Цзюиня налились кровью. Он тяжело опирался рукой о стол, слегка ссутулившись; когда Цзя Лун попытался подойти и поддержать его, хозяин резким жестом велел ему отступить.

— Цзя Лун, неужели ты настолько безумел, что приставил к такому важному делу этого мальчишку? — Чу Цзюинь с явным недовольством смерил взглядом Сяо Лю, который, съёжившись, дрожал от страха.

Услышав это, Цзя Лун поспешно пал ниц, коснувшись лбом пола.

— Этого ребёнка зовут Сяо Лю, он внук Лу Чуньлиня. Я видел, что он подросток, а в Книжном кабинете как раз не хватало рук, вот и отправил его туда. Это моя оплошность, господин, я не всё предусмотрел и готов понести любое наказание.

— Твоей вины здесь нет, отойди. У меня к нему разговор, — Чу Цзюинь взмахнул широким чёрным рукавом, отсылая управляющего в сторону.

Он подошёл к Сяо Лю и пристально оглядел его. Мальчик выглядел опрятным и кротким, но сейчас он настолько обезумел от ужаса, что буквально врос в землю. Вид его, жалкий и беспомощный, мог бы вызвать сострадание у любого другого.

Чу Цзюинь немного смягчил тон и спросил:

— Ты ведь присматриваешь за книгами и ценностями в моём Книжном кабинете? Отвечай честно, и я тебя не трону.

Сяо Лю сжался в комочек, едва дыша от страха, и пролепетал:

— Да, я... И ещё слежу за чистотой, подметаю...

— С самого вступления в орден эта цитра «Люйци» была моей верной спутницей. Я относился к ней как к старому другу, а теперь она разломлена надвое. Ты служишь в Книжном кабинете, тебе известно, как это случилось?

Сяо Лю был ребёнком бесхитростным, а в такой момент и вовсе не решился бы на ложь. Он закивал:

— Да, конечно... знаю.

— И кто же это сделал? Говори!

Мальчишка вновь закивал, спеша признаться:

— Это... это я. Я нечаянно... не уберёг и сломал.

Чу Цзюинь видел, что перед ним всего лишь испуганный ребёнок, и не хотел марать о него руки. Он усмехнулся:

— Допустим. Тогда ответь мне вот на что: если ты её разбил, то кто же её починил?

Сяо Лю, не задумываясь, выпалил:

— Тоже я!

— Вот как? Ты? — Чу Цзюинь явно не поверил, но всё же переспросил: — Ну так расскажи мне, как именно ты её починил?

Сяо Лю забежал глазами, что-то невнятно забормотал, но так и не смог выдать ни слова.

Гнев хозяина, который было начал угасать, вспыхнул с новой силой. То, что этот щенок смел лгать ему прямо в глаза, привело его в ярость.

Будучи хозяином Сяньюаня, Чу Цзюинь обычно целиком посвящал себя самосовершенствованию и пути дао. Всеми остальными делами управлял Цзя Лун, и если слуги не переходили границ, хозяин смотрел на их мелкие проступки сквозь пальцы. Но ложь Сяо Лю стала для него тем самым «запретным плодом», который он не намерен был проглатывать.

Мальчишка же, не умея читать по лицам, продолжал тупо стоять на коленях, даже не подозревая, что наступил дракону на загривок.

Сдерживая ярость, Чу Цзюинь повторил:

— Больше всего на свете я ненавижу, когда меня пытаются одурачить. Спрашиваю в последний раз: кто на самом деле чинил цитру?!

Сяо Лю мелко задрожал, голос его стал тихим, как писк комара, но ответ остался прежним:

— Я.

Услышав это, Чу Цзюинь пришёл в бешенство.

Буря эмоций захлестнула его, едва не лишив самообладания. Он замахнулся ногой, готовый сбить мальчишку на пол, но вовремя спохватился — Сяо Лю был слишком слаб, чтобы пережить такой удар. Гнев пришлось подавлять силой воли.

От этих душевных терзаний Чу Цзюиню внезапно стало нехорошо. Не только ярость клокотала в груди — духовная энергия в его теле вышла из-под контроля и начала хаотично метаться по меридианам.

Почувствовав неладное, он поспешил выровнять дыхание. Едва ему стало легче, к горлу подкатила тошнота, но он, не желая выказывать слабость перед слугами, заставил себя сглотнуть её.

— Сопляк, и ты смеешь нести эту чушь мне в лицо! Я давал тебе шанс во всём признаться, хотел простить твою глупость... Но ты оказался не только лжецом, но и наглецом! Эй, кто-нибудь!..

Поняв, что хозяин всерьёз разгневан и вот-вот отдаст приказ о казни, Сяо Лю окончательно потерял голову. В рыданиях он бросился Чу Цзюиню в ноги.

— У-у-у, я виноват! Не должен был врать! Умоляю, господин, не прогоняйте меня! Если нужно наказать, выпорите меня здесь, только оставьте моего дедушку при доме... Я сам за всё отвечу...

Мальчишка заходился в плаче, размазывая слёзы прямо по дороговому рукаву хозяина. Наблюдавший за этим Цзя Лун места себе не находил от беспокойства.

Он знал, что Сяо Лю — ребёнок честный и работающий, и если уж он решился на ложь, значит, на то была веская причина. Цзя Лун намеревался позже во всём разобраться, а пока, верный своей привычке «сглаживать углы», хотел вмешаться. Но не успел он и рта раскрыть, как в зал ввалился ещё один безумец.

Зрение старика совсем ослабло, и лишь когда незванный гость подошёл ближе, Цзя Лун узнал в нём Янь Цзызюня.

Тот стремительно прошёл вперёд и, бросив быстрый взгляд на Сяо Лю, пал на колени перед Чу Цзюинем.

— Снова ты? — то ли от злости, то ли от хвори у Чу Цзюиня нестерпимо разболелась голова. — Я так и знал! С тех пор как ты появился в моём доме, удача отвернулась от этого места. Где бы ни случилась беда, за ней непременно торчат твои уши!

Янь Цзызюнь не стал оправдываться. Он низко склонился перед хозяином:

— Прошу вас, не гневайтесь. Сяо Лю действительно виноват в том, что солгал. Но цитру чинил я.

— Наверняка ты решил отомстить мне и нарочно разломал «Люйци» пополам...

— Сломал её Сяо Лю, случайно. А я лишь восстановил то, что было разрушено. Говорю вам чистую правду, не смея таиться.

Видя, что назревает новая схватка, Цзя Лун поспешил вмешаться:

— Ты-то зачем сюда припёрся? Решили устроить цирк в два голоса? Кто из вас врёт? Янь

Цзызюнь, живо говори, как всё было!

Раз управляющий приказал, Цзызюнь не посмел ослушаться. Он подробно, шаг за шагом, рассказал о случившемся: о том, как научился плотницкому делу, как попросил мастера Цэня помочь с инструментами и материалами.

Он говорил обстоятельно, и хотя речь его была небыстрой, все присутствующие поняли — он не лжёт. К тому же, все знали, что когда-то он действительно ходил в учениках у плотника Чэня.

Однако Чу Цзюинь и не думал смягчаться:

— «Люйци» мне дорога, но я не стал бы жестоко карать своих людей из-за бездушной деревяшки. Однако Сяо Лю не должен был лгать ради тебя. Если я его не накажу, то потеряю уважение в глазах остальных слуг. Цзя Лун, распорядись... Оставим прочее, но двадцати плетей ему не миновать.

Услышав о порке, Сяо Лю зарыдал ещё горше. В полном отчаянии он уставился на Янь Цзызюня, ища защиты.

Сердце Цзызюня сжалось. Он прополз на коленях чуть вперёд и ухватил Чу Цзюиня за руку:

— Господин, вы правы. Но Сяо Лю лишь боялся, что его ошибка навредит мне, что вы снова обрушите свой гнев на мою голову. Потому он и взял всё на себя. Он ещё глуп и мал, молю вас — если уж решили наказать, будьте к нему милосердны!

Янь Цзызюнь понимал, что сейчас лучше бы промолчать, но совесть не позволяла ему стоять в стороне.

Они были знакомы с Сяо Лю всего месяц, и дружба их не была долгой, но этот ребёнок, рискуя собственной шкурой, пытался выгородить его. Цзызюнь не мог допустить, чтобы мальчика искалечили из-за пустяка. После двадцати плетей от этого тщедушного тельца и половины жизни не останется.

Слова Янь Цзызюня, в общем-то справедливые, в ушах Чу Цзюиня прозвучали как оскорбление.

Тот зло усмехнулся, и голос его стал ледяным:

— «Снова обрушу свой гнев»? Вы только послушайте! Выходит, я, хозяин этого дома — жестокий и капризный самодур, который только и знает, что измываться над людьми! Даже если ты починил цитру, что смыслит в этом такой неотёсанный болван, как ты? Ты превратил сокровище в мусор! Струны цепляют лады, звук дребезжит — ты собрал в этой бедной цитре все возможные изъяны! С чего ты взял, скотина, что твоё грубое ремесло поможет вернуть к

жизни шедевр? Было бы лучше, если бы ты её вообще не трогал! Но и это не всё. Ты скрыл правду, своевольничал, испортил мою вещь — за одно это я могу отправить тебя на плаху! Думал, я не замечу твоей топорной работы? Если ты рассчитывал и в этот раз выйти сухим из воды, то можешь забыть об этом — твои мечты так и останутся снами!

Чу Цзюинь никогда прежде не раздражался столь длинными тирадами. Его язык разил так остро, что от этих обвинений хотелось провалиться сквозь землю. Даже Цзя Лун и остальные похолодели от ужаса.

«Если Цзюнь-гэера не забьют до смерти в этот раз, значит, законы мироздания дали сбой», — пронеслось в головах слуг.

Оставалось лишь молить богов, чтобы Янь Цзызюнь вовремя прикусил язык. Но тот, вместо того чтобы смиренно замолчать, вдруг проявил небывалое упрямство. Град оскорблений лишь раззадорил его дремавшую гордость.

Он вскинул голову и ответил:

— Пусть мы оба виноваты, но большая часть вины лежит на мне. Проступок Сяо Лю — лишь нечаянность. Он мал и слаб, а вы хотите всыпать ему двадцать плетей... Это слишком жестоко.

Даже если в глубине души Чу Цзюинь и подумывал простить мальчишку, эти слова сожгли все мосты. Ему становилось всё хуже, кровь прилиwała к лицу, он смотрел с ледяной пронзительностью, а в груди словно разгорался пожар.

— И как же, по-твоему, будет «не жестоко»? — процедил он сквозь зубы.

— Отпустите Сяо Лю. Я один приму всё наказание!

Чу Цзюинь, вне себя от ярости, разразился диким хохотом:

— Знаешь, кого я ненавижу больше всего? Таких, как ты! Прикидываешься святошей, а внутри хитрее и ядовитее змеи! Сам заварил эту кашу, а теперь строишь из себя благородного спасителя, чтобы все думали, будто я — ничтожный тиран! Думаешь, я не вижу, как ты хвостом вертишь? Сначала Чжу Тяньгана охмурил, а как до дела дошло — в кусты, да ещё и поссорил нас! Бесстыдник! Скольким ещё мужикам ты намерен голову вскружить?!

Он выплеснул всё, что накопилось, словно вырвал застарелую занозу из сердца.

После чего скомандовал Дэн Туну и Кун Фану, даже не взглянув на Сяо Лю:

— Взять его! Связать Верёвкой, связывающей небожителей!

Слова, брошенные хозяином при всех, хлестнули Янь Цзызюня сильнее плети. Чу Цзюинь больше не скрывал своего отвращения — все маски были сброшены. Никто из присутствующих не посмел и слова сказать в защиту обречённого.

— Все твердили о твоём милосердии, но сегодня я вижу — это ложь! — Янь Цзызюнь понял, что пощады не будет, и решил высказать всё до конца. — Если я и обидел тебя в детстве, то не со зла! Не смей так унижать меня! Я чинил твою цитру от чистого сердца, а ты этого и замечать не хочешь. Теперь я знаю, какой ты на самом деле: холодный, мстительный и мелочный до мозга костей! Твои слуги горько пожалеют, что пошли за таким господином! Можешь забить меня до смерти — я знаю, ты годами ждал этого момента, чтобы наконец потешить свою злобу!

Янь Цзызюнь уже не боялся. Он лишь надеялся, что Чу Цзюинь оставит Сяо Лю в покое. А с ним пусть делает что хочет — бьёт, продаёт... Любая участь казалась лучше, чем этот вечный страх и гнёт.

Когда он перестал дрожать, речь его стала твёрдой и чистой. Чу Цзюинь же решил, что его прежние заикание было лишь притворством — хитрой уловкой, чтобы усыпить бдительность хозяина.

Уже перевалило за полночь. Пары вина дурманили разум Чу Цзюиня, лишая его остатков терпения.

— Чего замерли? — бросил он подчинённым. — Раз он считает свою шею такой крепкой, проверим её на прочность. Увести и пороть!

Дэн и Кун мигом подскочили к Янь Цзызюню. Скрутив его, словно куль с мукой, они уже собирались тащить его прочь, когда один из них помедлил.

— Господин, дозволейте уточнить: как долго продолжать экзекуцию?

Голова Чу Цзюиня раскалывалась. Он приказал задвинуть полог своего ложа и тяжело повалился на подушки. Из-за плотной ткани донёсся его сонный, ленивый голос:

— Порите, пока я не проснусь. А пока я сплю — не смейте останавливаться!

— Слушаемся!

Эти двое подчинялись лишь приказам хозяина. Подхватив связанного по рукам и ногам Янь Цзызюня, они потащили его прочь из зала.